

Глава 30: Отчаявшиеся волшебники

В ящике не было ничего особенно странного.

«Монокль?»

Во времена Когтеврана уже были изобретены очки?

Джон осторожно взял деревянную оправу очков, которая, казалось, вот-вот рассыплется, аккуратно положил её на стол, а затем достал дюжину рукописей из-под очков.

Пергаментная бумага намного прочнее.

Рукописи были написаны древними рунами. Джон ещё мало изучил такие магические тексты, поэтому в основном не понимал их.

Но на стене были те, кто мог понять.

«Ну... эти рукописи – всего лишь идеи проектирования очков. Это последний магический предмет, созданный Ройной при её жизни».

«Магические предметы?»

Сердце Джона забилось чаще. Магические предметы отличаются от алхимических. Алхимические предметы – это просто обычные инструменты для волшебников, а всё, что можно назвать «магическим предметом» – необычный предмет.

Реликвии, оставленные четырьмя основателями Хогвартса в замке, все можно отнести к категории магических предметов. В дополнение к некоторым простым магическим силам и особым свойствам, большинство этих предметов обладают определённой самостоятельной волей.

Такие как Распределяющая Шляпа, меч Гриффиндора, диадема Когтеврана, повышающая мудрость, золотая чаша, которая может автоматически помогать эльфам переносить еду, и волшебные портреты мира волшебников.

Они могут не иметь каких-либо особых сил, но обязательно обладают необычными характеристиками.

Это как самый низший класс магических предметов, волшебный портрет, он тоже хранит определённое количество человеческого сознания.

Собственные магические предметы Когтеврана, неужели они хранят часть души Когтеврана, как их предки?

«Нет, там нет и следа души Ройны».

Хоть Хельга и живёт в портрете, она может чувствовать мир за пределами портрета. Это то, что могут делать только сущности души. Это не то же самое, что обычные портреты, наделённые магией.

«Если бы Ровена действительно хотела остаться, даже если она уже была в очень плохом здоровье, она действительно не умерла бы». Голос Хельги внезапно стал серьёзным: «Она мастер заклинаний. Также немного разбирается в проклятиях жизни и смерти. Если бы она не хотела умирать, она могла бы даже превратиться в нежить – это намного продвинутое, чем призраки в замке и хоркруксы Волдеморта, о которых ты говорил».

«Тогда почему она не осталась? Ведь лучше быть живым, чем мёртвым, верно?»

Хельга покачала головой: «Некоторые люди живут, потому что не могут расстаться с жизнью, но когда мы достигаем нашего положения, взгляд на мир и восприятие меняются...»

«Но муравьи всё равно ценят свою жизнь».

«Что?»

«Есть древняя китайская поговорка, муравьи всё равно тайно ценят свою жизнь, поэтому люди будут больше дорожить жизнью». Джон потрогал оправу очков в своей руке: «Знаете, у меня есть немного крови с Востока».

«Восток и вправду волшебное место. Там много философов, но жаль, я никогда не бывала там».

Хельга кивнула и перестала спорить по этому вопросу: «Но Ройна не муравей. Она тоже волшебница, видевшая мир с самых высоких вершин. Когда смотришь на мир с той точки зрения, с какой смотрели мы, понимаешь, что жизнь и смерть – всего лишь это».

«Жив или мёртв – это не проблема».

Джон сел за стол и слушал с выражением лица. В конце концов, Хельга редко упоминала что-либо о их легендарных волшебниках.

«Магическая сила волшебника исходит от этого мира, поэтому после смерти волшебника магическая сила возвращается в этот мир, но душа волшебника иногда по случайности остаётся его собственной магией, чтобы стать призраком или чем-то ещё. Тогда кто ты – ты

или твоя магия?»

Джон покачал головой, очевидно, он не понимал.

Слишком много философских проблем, а он к ним совсем не способен.

Кто я, чтобы задумываться над таким вопросом, что я делаю?

Я просто я, и всё тут.

Это мир магии. Какой смысл во всех этих диалектиках?

«Сейчас ты – это ты, а как насчёт твоей прошлой жизни?»

Джон опешил.

«Раз существует смерть, то должно существовать и перерождение. Магическая сила приходит в тело волшебника и возвращается туда, откуда пришла, после смерти волшебника. Это цикл, а душа существа по своей сути не отличается от магической силы».

«Представь, что после твоей смерти твоя душа размалывается в прах волей мира, а затем эта энергия рассеивается и реорганизуется, и в конце концов появляется новая душа жизни. Разве это невозможно?»

«Но, может, это возможно только в теории? Будь то волшебник или маг, никто никогда не доказывал, что в этом мире есть более продвинутые существа, чем люди».

«А кто-нибудь доказал, что их не существует?»

Джон молчал.

«Когда я стала легендарной волшебницей, мои собственные исследования сущности магии были не выдающимися. Я читаю www.uukanshu.com, но Ровена и Салазар были другими. Оба столкнулись с ограничением своей магии, будто столкнулись с замком, который крепко запер дальнейшие шаги волшебников, это очень печальная вещь».

«Но в чём смысл выбирать смерть, если нет надежды?»

Джон действительно не понимал. Он умер однажды по этому делу – даже если, согласно Хельге, его память – это просто остатки памяти последнего умершего человека, – поэтому он был полностью одержим тем, чтобы быть живым.

Если можешь жить, постарайся не умирать. Этот мир так захватывающе интересен, что его нужно хорошенько рассмотреть.

Если бы он мог, то даже захотел бы выйти за пределы мира, чтобы взглянуть.

«Надежда не нужна, потому что они были самыми отчаявшимися тогда».

Голос Хельги отозвался эхом в пустой гостиной, и Джон почувствовал, что голос, казалось, пробуждал что-то, вся гостиная наполнилась странной печалью.

«За исключением тех волшебников, которые обмануты желанием, на самом деле ни одному легендарному волшебнику не хотелось по-настоящему учить учеников. Хотя я и особенная, я тоже полна томления по пику магии волшебников, не говоря уже о магической природе Ровены и других. Волшебник с чрезвычайно высокими баллами по магии».

«Цель волшебника – вечная магия, вверх – звёзды на небе, вниз – бездонные морские глубины, чем выше ты стоишь, тем больше вещей, которых ты не знаешь. Хогвартс был создан, чтобы волшебники имели более безопасные условия для исследований, потому что иногда сил одного человека недостаточно, даже легендарного волшебника, его сила покажется слабой и хилой в определённые моменты».

«Когда Ровена и другие увидели контуры сущности магии, они обнаружили, что это уже предел, словно ты ясно видишь звёзды на башне Хогвартса, но никогда не сможешь их коснуться... А не иметь возможности коснуться более отчаянно, чем не иметь возможности увидеть».

<http://tl.rulate.ru/book/89748/3713038>